

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука
И немодные шумят
Синие шелка.

И вино звенит из тьмы,
И поет стекло:
“Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло!”

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

— Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,
И поют из-под земли
Наши голоса.

1940

ARSENY TARKOVSKY

Here's our table set for six,
Roses, crystal gloss.
And among the guests, amiss,
There are grief and loss.

Here comes father from the past,
Brother from the war.
Hours pass. We hear, at last,
Knocking at the door. .

And her hand is just as cold
As 'twas twelve years back,
And unfashionable folds
Shine in silky black.

And the clinking glasses chant
In the murky glow:
“Oh, how much we loved you, and –
Oh, how long ago!”

We exchange our smiles with dad,
Brother serves us wine,
And she says, her hand unwed
Gently touching mine:

“Ah, my heels are all in mold,
And my braid got thin.
From the underground cold
All our voices sing.”

*Translated by Alexander Givental
and Elysee Wilson-Egolf*